

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

На правах рукописи

Хорт Михаил Геннадьевич

**ОБОСНОВАНИЕ АРЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ НОРМАТИВНОСТИ**

Специальность 09.00.01 – Онтология и теория познания

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Казань – 2022

Работа выполнена на кафедре социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель:

Каримов Артур Равилевич, доктор философских наук, заведующий кафедрой социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Официальные оппоненты:

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакоммуникаций ФГБОУ ВО «Казанский Государственный Энергетический Университет».

Фролов Константин Геннадьевич, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук».

Защита состоится «09» июня 2022 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета КФУ.09.01 при Казанском (Приволжском) федеральном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (ул. Кремлевская, 35, читальный зал №1). Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ: www.vak.ed.gov.ru и ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»: www.kpfu.ru.

Автореферат разослан « » _____ 2022 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета, кандидат
философских наук, доцент

Г.К. Гизатова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

Современная эпистемология, оставаясь важнейшей частью философии, вынуждена конкурировать со множеством научных концепций, предлагающих свои определения «знания», «познания» и выдвигающих собственные характеристики познающего субъекта. Когнитивистика и нейронаука выполняют эту задачу, опираясь на естественнонаучный фундамент. Они рассматривают познание как психофизиологический процесс, являющийся следствием мозговой активности. Для данных наук знание — это содержание определенных ментальных или психических явлений, которые могут быть измерены и описаны при помощи специальных приборов. Гуманитарные дисциплины исследуют ту же проблематику, но под иным ракурсом. Для социологии и истории знание выступает в качестве социального феномена, общественного блага или ресурса, который (как и любое благо) имеет условия производства, обмена и сохранения. Субъект познания в таком случае — это вплетенный в сеть социальных взаимодействий актор, исследование которого мало чем отличается от изучения акторов политической и экономической сфер жизни общества. Подобное многообразие подходов к исследованию знания заставляет эпистемологов вернуться к фундаментальным вопросам о границах и целях собственной дисциплины. Указанная метаэпистемологическая проблематика является отправной точкой для построения теории, предлагаемой в данной работе.

Таким образом, теоретическая актуальность исследования определяется внутренней логикой развития эпистемологии. В работе предлагается нормативный взгляд на философскую теорию познания, который, как мы утверждаем, является существенной характеристикой данной дисциплины, отличающей ее от дескриптивных способов изучения тех же вопросов. Как отмечает В.А. Лекторский, «поиск основания знаний не тождественен простому выяснению причинных зависимостей между разными психическими образованиями (например, между ощущением, восприятием и мышлением), а

направлен на выявление таких знаний, соответствие которым может служить нормой. Иными словами, следует различать то, что фактически имеет место в познающем сознании (а всё, что в нём есть, например иллюзия восприятия или заблуждение мышления, чем-то причинно обусловлено) и то, что должно быть для того, чтобы считаться знанием (т. е. то, что соответствует норме)»¹.

Нормативный характер эпистемологии определяет своеобразие понятийного языка, который используется в исследовании. Мы отталкиваемся от концепций, сложившихся в рамках современной англо-американской аналитической философии, которые обозначаются общим термином «эпистемология добродетелей». К.Г. Фролов так описывает своеобразие данного подхода: «личностное измерение отличает проблематику эпистемологии добродетелей от традиционных задач эпистемологии: поиска критериев различения знания и мнения, исследования методов познания на предмет их достоверности и границ применимости и множества иных вопросов, в рамках которых специфика и индивидуальность всякого познающего субъекта игнорируется. Однако такое игнорирование хотя и остается традиционно увязываемым со стандартами объективности, все же не является обязательным с методологической точки зрения»². Для этого подхода характерно смещение фокуса анализа с убеждений, которые представляли основной объект изучения классической эпистемологии, к познающему субъекту и его характеристикам. Эпистемология добродетелей рассматривает такие центральные эпистемологические категории как «знание» и «обоснование» в качестве ценностных понятий. Подобный подход позволяет сохранить специфику философского взгляда на проблемы познания.

Актуальность исследования обусловлена также применением предлагаемой теории к решению локальной эпистемической задачи: выявлению условий, при которых познающий субъект может быть рассмотрен в качестве

¹ Лекторский В.А. О классической и неклассической эпистемологии / В.А. Лекторский // На пути к неклассической эпистемологии / РАН, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 2009. – С. 11.

² Фролов К.Г. Интеллектуальная честность как интеллектуальная добродетель // Сибирский философский журнал. 2020. №2. С. 85-97. — С. 86.

эксперта. Обсуждение этой проблемы представляет особую актуальность в условиях «инфодемии», объявленной ООН и ВОЗ³. Широкое распространение интернета и новых медиа приводит к резкой дефляции экспертного авторитета и увеличению количества дезинформации. Подобная ситуация, помимо явных социальных, экономических и политических причин, имеет также эпистемическое измерение, которое должно быть проанализировано философами.

Объектом исследования является обоснование как фундаментальное понятие эпистемологии.

Предметом исследования являются ценностные и нормативные аспекты в обосновании знания.

Цель исследования: опираясь на авторский подход к определению эпистемических добродетелей, показать нормативный характер эпистемического обоснования.

Реализация цели осуществляется за счет решения ряда **исследовательских задач:**

1) Описать генезис эпистемологии добродетелей как исследовательской установки.

2) Выявить существенные черты эпистемического обоснования.

3) Показать, что проблема несовместимости знания и удачи является актуальной только для экстерналистских концепций обоснования.

4) Осуществить критику экстерналистских теорий эпистемического обоснования.

5) Выявить нормативные характеристики эпистемического обоснования.

6) Сформулировать интерналистскую версию теории обоснования без «компонента успеха».

7) Произвести различие локальных и общих целей познания, используя концептуальный аппарат эпистемологии добродетелей.

³ URL: <https://www.who.int/ru/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation> (дата обращения: 05.01.2022).

8) Представить проект интерналистской теории экспертного знания, удовлетворяющей требованиям эпистемологии добродетелей.

Теоретико-методологический базис.

Нами используются характерные для классической и аналитической философии методы концептуального и компаративного анализа, а также метод мысленного эксперимента.

Концептуальный анализ реализуется как рассмотрение философских понятий с точки зрения их логической структуры и полемических задач. Для концептуального анализа целью является выявление составных элементов понятия, а также его дальнейшая реконструкция, под которой подразумевается «перестановка [обнаруженных] элементов и их расположение в упорядоченном и логически стройном виде»⁴. Также важно, что этот метод «предполагает выявление концептуального ядра термина путем сравнения различных контекстов его употребления»⁵. Это значит, что понятие должно быть рассмотрено не изолированно от других, но в широком контексте философского словаря.

Компаративный анализ предполагает сравнение теорий, предлагаемых разными философами при предварительном выявлении основания сравнения. В отличие концептуального анализа, для которого единицей смысла выступает понятие, компаративный метод реализуется на уровне совокупности аргументов, то есть на уровне теории. Этот метод позволяет обозначить аргументативные стратегии, которые могут быть реализованы в рамках эпистемологии, поскольку «при компаративном анализе его успеху содействуют такие условия, как единая доступность, общий объем и параметры фактологической базы»⁶.

⁴ Беляев Е.И. Методология концептуального анализа в философии // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – Т. 10, № 3. – С. 6.

⁵ Суровцев В.А. О методах аналитической философии // Аналитическая философия: проблемы и перспективы развития в России. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. – С. 78.

⁶ Иванова С.В. Применение метода компаративного анализа в философии образования / С.В. Иванова, И.М. Елкина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2020. – Т. 1, № 4. – С. 31.

Мысленные эксперименты могут быть рассмотрены как важное дополнение и расширение методов концептуального и компаративного анализа, «поскольку они помогают прояснять используемые в повседневной жизни и науке концептуальные схемы»⁷. В основе этого метода — моделирование ситуаций, которые наглядно демонстрируют экспликации тех или иных теоретических аргументов. Мысленный эксперимент позволяет выявить недостатки или преимущества аргументов, которые сложно описать исключительно при помощи абстрактной терминологии.

В качестве теоретического основания диссертации используется несколько групп эпистемологических концепций.

К первой группе относятся фундаментальные теории, которые определяют задачи и направление эпистемологических исследований. К этой группе относятся, прежде всего, теории античных авторов — Платона и Аристотеля. Указанные мыслители являются не только теми философами, которые снабдили дисциплину основными понятиями, но также ключевыми фигурами в становлении аретического подхода. В двух параграфах диссертации обсуждаются диалоги Платона «Теэтет» и «Менон», в которых ставятся важнейшие вопросы любого эпистемологического исследования: «что есть знание?» и «почему знание предпочтительнее истинного убеждения?». Сочинения Аристотеля, хотя и не являются предметом отдельного рассмотрения, важны при описании базовых характеристик эпистемологии добродетелей как особого взгляда на проблему знания. К этой же группе относятся идеи нововременных мыслителей: Р. Декарта, Дж. Локка, Д. Юма, Т. Рида. Картезианский трактат «Рассуждения о первой философии» рассматривается нами как важный шаг в развитии нормативной теории познания. В этом же отношении интерес представляет «Опыт о человеческом разумении» Дж. Локка. Кроме этого, по аналогии с его теорией ошибки для цвета, описывается теория ошибки для эпистемического обоснования. Сочинения Д. Юма и Т. Рида важны в контексте обсуждения базовых линий

⁷ Филатов В.П. Мысленные эксперименты в науке и в философии // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 25, № 3. – С. 15.

аргументации по проблемам коммуникативного знания и доверия свидетелству.

Ко второй группе концепций относятся теории авторов, принадлежащих к современной эпистемологии добродетелей. В диссертации мы ссылаемся на работы представителей двух ее основных направлений: релейбилизма⁸ (Э. Голдман, Э. Соса, Дж. Греко) и респонсибилизма⁹ (Л. Загзебски, Дж. Монтмаркет, Л. Коуд). Также к этой группе стоит отнести критические концепции С. Коэна, Л. Бонжура и Дж. Аннас, которые указывают на противоречия и недостатки релейбилистской версии эпистемологии добродетелей.

К третьей группе относятся концепции из области эпистемологического контекстуализма. Эти теории необходимы для преодоления скептических возражений, которые могут быть направлены против эпистемологии добродетелей. Наибольшее значения для нас представляют идеи К. ДеРоуза, Д. Льюиса и П. Унгера, которые изучили взаимовлияние областей практической и эпистемической регуляций. Также необходимо отметить работы Дж. Хоторна, Дж. Стэнли, Дж. Фантла и М. Макграта, которые предложили рассматривать знание как знание-действие и выдвинули аргументы в пользу т.н. «прагматического вторжения».

К четвертой группе относятся концепции коммуникативного и экспертного знания. Помимо уже упомянутых теорий Д. Юма и Т. Рида, важными являются концепции Э. Коуди, Л. Стивенсона и Дж. Адлера, которые обсуждают основные черты эвиденциалистских теорий коммуникативного знания. Особое внимание уделяется теории экспертного знания Дж. Хардвиге, который одним из первых выдвигает этический критерий статуса эксперта. Также мы опираемся на перформативную теорию экспертизы Дж. Лифмана и Л. Штеффена, а также на концепцию экспертов-в-действии М. Фарины и А.

⁸ От англ. «reliable» — надежный. Релейбилистские теории определяют эпистемические добродетели как надежные когнитивные процессы.

⁹ От англ. «responsible» — ответственный. Респонсибилистские теории определяют эпистемические добродетели как внутренние качества субъекта.

Лаватца при выстраивании собственного проекта эпистемологии экспертного знания.

Состояние изученности проблемы

Эпистемология добродетелей является активно развивающейся областью современной теории познания. Авторитетный онлайн-агрегатор философских публикаций PhilPapers содержит более семисот работ в разделе «эпистемология добродетелей»¹⁰. Также библиографии данного направления посвящено отдельное издание, составленное Э. Сосой¹¹. Подробные обзорные статьи по эпистемологии добродетелей имеются в таких известных англоязычных философских энциклопедиях, как SEP¹² и IEP¹³.

На английском языке выпущен ряд пособий и учебников, посвященных эпистемологии добродетелей. Среди них необходимо отметить совместную работу Л. Бонжура и Э. Сосы, в которой эпистемология добродетелей обсуждается в контексте противопоставления интернализма и экстернализма¹⁴, созданное специально для студентов пособие Дж. Вуда¹⁵, а также написанную с респонсибилистских позиций монографию Л. Загзебски¹⁶.

Помимо учебников, необходимо отметить посвященные этой проблематике сборники статей и тематические выпуски журналов. В частности, к таковым относятся антологии под общей редакцией Дж. Греко¹⁷,

¹⁰ URL: <https://philpapers.org/browse/virtue-epistemology/> (дата обращения: 05.01.2022).

¹¹ Sosa E. *Virtue Epistemology: Oxford Bibliographies Online Research Guide*. Oxford: Oxford University Press, 2011. – 52 p.

¹² Turri J. *Virtue Epistemology* / J. Turri, M. Alfano, J. Greco. – Text: electronic // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy Archive* / ed. E.N. Zalta, 2021. – URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/epistemology-virtue/> (дата обращения: 09.01.2022).

¹³ Baehr J. *Virtue Epistemology* / J. Baehr. – Text: electronic // *Internet Encyclopedia of Philosophy*. – URL: <http://www.iep.utm.edu/virtueep/> (дата обращения: 09.02.2022).

¹⁴ Bonjour L. *Externalism/Internalism* / L. Bonjour // *A Companion to Epistemology* / eds. J. Dancy, E. Sosa, M. Steup. – Oxford: Blackwell Publishers, 1992. – P. 364–368.

¹⁵ Wood W.J. *Epistemology: Becoming Intellectually Virtuous*. Downers Grove, IL: InterVarsity, 1998. – 216 p.

¹⁶ Zagzebski L. *On Epistemology*. Wadsworth; Canada: Wadsworth Publishing, 2009. – 192 p.

¹⁷ Ernest Sosa and His Critics / ed. J. Greco. – Malden, MA: Blackwell, 2004. – 331 p.

Г. Акстелла¹⁸, М. Брейди и Д. Притчарда¹⁹. Эпистемологии добродетелей посвящены отдельные выпуски журналов: *Philosophy and Phenomenological Research* (Vol. 60.1, 2000, Vol. 66.2, 2003), *Philosophical Papers* (Vol. 37.3, 2008), *Philosophical Studies* (Vol. 143.3, 2009), *Theorema* (Vol. 27.1, 2009), *Epistemology & Philosophy of Science* (Vol. 58.4, 2021).

К наиболее известным полемическим монографиям, отстаивающим релейбилистскую точку зрения, относятся работы Э. Сосы и Дж. Греко. Наиболее полные монографии, описывающие позицию респонсибилизма, написаны Л. Загзебски²⁰ и Дж. Монтмаркетом²¹. Также необходимо выделить авторов, чьи обзорные и критические статьи оказали значительное влияние на развитие эпистемологии добродетелей: Э. Голдман²², Дж. Баэра²³, Л. Коуд²⁴, Дж. Лэки²⁵, У. Риггс²⁶.

В последние несколько лет появляются публикации по эпистемологии добродетелей в отечественной философии. В 2019 году была выпущена фундаментальная монография на русском языке по этой теме (А.Р. Каримов, 2019). Также опубликована монография С.Ю. Шевченко (2020), где аретический подход применяется для изучения эпистемологии биомедицинской экспертизы. В 2021 г. был опубликован спецвыпуск журнала

¹⁸ Knowledge, Belief, and Character: Readings in Virtue Epistemology / ed. G. Axtell. – Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2000. – 224 p.

¹⁹ Moral and Epistemic Virtues / eds. M. Brady, D. Pritchard. – Malden, MA: Blackwell, 2003. – 277 p.

²⁰ Zagzebski L. Virtues of the Mind: An Inquiry into the Nature of Virtue and the Ethical Foundations of Knowledge. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 365 p.

²¹ Montmarquet J. Epistemic Virtue and Doxastic Responsibility. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1993. – 147 p.

²² Goldman A. Epistemic Folkways and Scientific Epistemology // *Philosophical Issues*. – 1993. – Vol. 3: Science and Knowledge. – P. 271–285.

²³ Baehr J. Evidentialism, Vice, and Virtue // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2009. – Vol. 78, Iss. 3. – P. 545–567.

²⁴ Code L. Epistemic Responsibility. Hanover, NH: UP of New England, 1987. – 272 p.

²⁵ Lackey J. Knowledge and Credit // *Philosophical Studies*. – 2009. – Vol. 142, Iss. 1. – P. 27–42.

²⁶ Riggs W. Reliability and the Value of Knowledge (Reliabilism, true belief) // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 2002. – Vol. 64, Iss. 1. – P. 79–96.

«Эпистемология и философия науки» (№4), целиком посвященный эпистемологии добродетелей. Среди журнальных статей необходимо отметить, прежде всего, работы И.Т. Касавина, С.Ю. Шевченко, Л.А. Тухватуллиной, К.В. Карпова, А.О. Костиной, С.М. Левина, А.З. Черняка, Е.В. Востриковой, П.С. Куслия, А.А. Филатовой, О.В. Поповой, В.П. Визгина, А.В. Долматова, И.Е. Прися, А.А. Шевченко. Кроме этого, следует назвать авторов, которые пишут о смежных темах, которые обсуждаются в данной диссертации. О контроверзе экстернализма и интернализма в контексте эпистемологии добродетелей на русском языке писали М.В. Лебедев, В.А. Лекторский. Нормативному характеру эпистемического обоснования посвящены работы Я.В. Шрамко, К.Г. Фролова.

В то же время, несмотря на имеющийся рост количества публикаций по эпистемологии добродетелей, хотелось бы отметить, что исследований интерналистской природы эпистемической нормативности (как в отечественной, так и в зарубежной философии), в целом, недостаточно.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Выявлено основание эпистемологии добродетелей как исследовательской установки, которое заключается в рассмотрении категорий «знание» и «обоснование» в качестве ценностных понятий. Показано, что центральным ценностным понятием в эпистемологии является «обоснование», а не «истина», как это предполагалось в классической эпистемологии. Последнее связано с тем, что обоснование является одновременно характеристикой как самого субъекта, так и его убеждений, находясь в зависимости от его мотивации к проявлению добродетелей. Обоснование определено как финальная цель эпистемической практики, тогда как истинному убеждению отводится роль локальной познавательной цели. Показано, что истинность убеждений не имеет однозначной связи с познавательными усилиями субъекта.

2. Выявлен общий концептуальный недостаток релейбилистских и респонсибилистских теорий эпистемических добродетелей, заключающийся в трактовке добродетельного обоснования через понятие эпистемического

успеха и заслуги в достижении истины, что не позволяет выявить ценность обоснования в тех случаях, когда оно не приводит к формированию истинного убеждения. Это позволило сформулировать критерий интерналистской теории обоснования, которым является мотивация к проявлению эпистемических добродетелей. Если для экстернализма критерием хорошего (в эпистемическом отношении) обоснования является успех в формировании истинных убеждений, то для предлагаемой теории искомым критерием является проявление субъектом интеллектуальных превосходств (добродетелей) в процессе познания. Такой подход позволил исключить понятия успеха и заслуги из системы критериев интерналистской теории обоснования.

3. По аналогии с «моральной теорией ошибки» («The moral error-theory»), предложена теория ошибки, применительно к эпистемическому обоснованию как свойству истинного убеждения. Установлено, что в повседневной эпистемической практике обоснование выступает как диспозитивное свойство знания (зависимое от контрфактуальных условий), что объясняется экстерналистскими теориями, тогда как в области эпистемических оценок оно является категориальным свойством. Данный аргумент позволяет объяснить, почему эпистемическое обоснование должно описываться через аретический подход — только он содержит как дескриптивные, так и нормативные концепты.

4. Компонент мотивации в структуре обоснования определен как условие аскрипции (приписывания) знания, производное от социальной роли субъекта и прагматической ситуации, в которой он находится. Эпистемические добродетели рассмотрены как устойчивые диспозиции характера, которые, тем не менее, могут по-разному проявлять себя в зависимости от социальных условий, в которых оказался субъект. Сквозь призму концепции прагматического вторжения («Pragmatic Encroachment») и понятие эпистемической ставки (прагматические издержки для субъекта, возникающие в ситуациях аскрипции знания), определена связь знания и обоснования с социальным контекстом.

5. Выявлены недостатки эвиденциалистских и агентных теорий экспертного знания (первые нивелируют ценность разделения эпистемического труда, а вторые не могут объяснить ценность ложного экспертного заключения в сравнении с ложным убеждением не-эксперта). Предложен проект интерналистской концепции экспертизы, определяющий коммуникацию между экспертом и не-экспертом как ситуацию проявления эпистемических добродетелей (с обеих сторон), целью которой является не только передача истинных убеждений от эксперта к не-эксперту, но, прежде всего, достижение эпистемического консенсуса между ними.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эпистемология добродетелей является нормативным способом анализа знания. Под этим подразумевается, что в отличие от натуралистической эпистемологии, когнитивистики или социальной эпистемологии, основной вопрос для этого подхода не «что такое знание и познание?», но «почему знание более ценно, чем просто истинное убеждение?». Нормативный характер эпистемологии добродетелей определяет предлагаемый данным направлением способ анализа, который сфокусирован на субъекте познания как источнике и объекте эпистемической оценки.

2. Обоснование является ценностной характеристикой как убеждений, так и субъектов, формирующих убеждения, так как доксистическое обоснование совпадает с персональным. Из этого следует, что именно обоснование должно являться объектом изучения эпистемологии добродетелей, так как оно наделяет убеждения добродетельного субъекта эпистемической ценностью.

3. Из предыдущего тезиса вытекает, что есть субъекты, служащие носителями обоснования, а есть убеждения, служащие носителями истины. Знание имеется тогда, когда действуют оба фактора, но так как второй из них (истина) не в полной мере зависит от субъекта, то он не может быть источником нормативности в познании. Тезис о том, что обоснование — это нормативный (или деонтологический) термин, составляет основу

интернализма. Экстернализм же выстраивается как дескриптивная теория. Указанное различие составляет основную причину споров между данными подходами.

4. Интеллектуальные добродетели имеют самостоятельную эпистемическую ценность. Эта ценность не определяется связью обоснования с истинным убеждением. Если бы добродетели не имели подобной ценности, то они не могли бы выступать в качестве безусловного источника эпистемического долженствования. Мы считаем, что эпистемически ответственный субъект является ответственным не для чего-то, а потому что он не может быть безответственным. Ответственность есть внутренняя мотивация, проистекающая из его черт характера. Стандартный респонсибилистский подход подразумевает, что быть эпистемически ответственным субъектом (равно как обладать другими добродетелями) не имеет смысла в мире картезианского обманщика, ведь там невозможно добиться успеха в формировании истинного убеждения. В свою очередь, мы утверждаем, что добродетельное обоснование должно представлять ценность в любых возможных мирах.

5. Качества субъекта, оказавшегося в мире картезианского демона, представляют эпистемическую ценность не потому, что они гипотетически надежны (то есть приводили бы к истинным убеждениям в нормальном мире). Напротив, они представляют ценность, потому что являются добродетельными диспозициями его характера вне зависимости от внешних параметров.

6. Необходимо различать локальные и общие цели познания. Эпистемический субъект может быть удачен в достижении скопоса, в качестве которого должно рассматриваться конкретное истинное убеждение (локальная цель), но при этом не достигать телоса (общей цели), то есть не быть эпистемически добродетельным. Но возможно и обратное: добродетельный субъект может быть неудачлив в формировании истинных убеждений. Общая цель познания, то есть телос эпистемической жизни, есть приобретение, развитие и реализация эпистемических добродетелей, а

не получение истинных убеждений. Это не значит, что истина не представляет ценности. Она ценна, но инструментально и прагматически. Как инструмент она сигнализирует о наличии у субъекта добродетели. Поэтому добродетельный субъект имеет устойчивую диспозицию к приобретению истинных убеждений.

7. Добродетельные мотивации необходимо рассматривать в контексте обязательств, которые самостоятельно налагает на себя субъект. Отсюда возникает важный деонтологический смысл добродетельного обоснования. Также из этого следует, что стандарты обоснования будут разными для разных субъектов, потому что у них есть разные обязательства, а значит должны быть и разные мотивации.

8. Эвиденциалистский взгляд на природу экспертного знания ограничен, так как нивелирует ценность разделения эпистемического труда. Также ограничены агентные теории экспертизы, так как они релятивизируют коммуникативное знание и не могут объяснить как возможна экспертиза в мире картезианского демона. Чтобы избежать проблем указанных концепций, теория экспертного знания должна быть интерналистской, нормативной и контекстуалистской.

Научно-практическая значимость исследования обусловлена актуальностью темы исследования. Научная значимость состоит в решении ряда важных проблем современной теории познания (соотношение знания и ценностей, цели познавательного процесса, отношение между обоснованием и истиной), а также обосновании авторского подхода к определению эпистемических добродетелей и экспертного знания. Практическая значимость работы состоит в применении предлагаемой теории для определения условий эпистемической оценки экспертов. Результаты исследования могут быть использованы для подготовки учебных курсов и пособий по дисциплинам «Теория познания», «Аналитическая философия» «История зарубежной философии».

Апробация результатов исследования

Основные положения диссертации обсуждены на заседании кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. Отдельные аспекты работы были вынесены для обсуждения в докладах на следующих научных мероприятиях: международная конференция «uAnalytiCon-2021: Контекстуализм, знание и истина» (Екатеринбург, 14-15 мая 2021 г.), международная конференция «Мир человека: нормативное измерение — 7. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма» (Саратов, 7-9 июня 2021 г.), международная конференция «VIII Садыковские чтения. XXI век: вариативность человеческого» (Казань, 19 ноября 2021 г.), теоретический семинар кафедры социальной философии КФУ (Казань, 23 января 2021 г.), итоговая научная конференция преподавателей и аспирантов КФУ, секция «Философия» (Казань, 27 января 2022 г.). По теме диссертации опубликовано 3 статьи в рецензируемых журналах из списка ВАК.

Структура работы

Текст диссертации состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность темы, приводится анализ научной разработанности проблемы, определяется объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, обозначены теоретико-методологические основы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, охарактеризована источниковая база, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Экстернализм и интернализм об эпистемическом обосновании» описывает диспозицию подходов в эпистемологии добродетелей. Экстернализм и интернализм проанализированы как две конкурирующие теории, объясняющие сущность эпистемического обоснования.

В §1.1 главы рассмотрено классическое платоновское определение знания как истинного обоснованного убеждения. Убеждение может быть истинным, но еще не являться знанием. Именно обоснование, исходя из классической позиции Платона, является фактором, который «превращает» истинное убеждение в знание. Поэтому в параграфе утверждается, что основным предметом эпистемологического исследования должно быть именно «обоснование». Оно не только превращает истинное убеждение в знание, но и привносит ценность в нашу познавательную практику.

В §1.2 рассмотрены общие черты эпистемического обоснования, предлагаемые У. Алстоном. Отмечаются следующие характеристики: оно определенным образом связано с убеждениями и состояниями субъекта (то есть может рассматриваться либо как свойство убеждений, либо как свойство познающих субъектов), представляет эпистемическую ценность (то есть делает истинное убеждение более ценным, а положение познающего субъекта более предпочтительным), обладает степенью. Выявление указанных черт позволяет перейти к следующему вопросу: какую роль выполняет обоснование в регуляции познания? Платон в «Теэтете» утверждает, что обоснование гарантирует неслучайный характер истинного убеждения. Таким образом,

декларируемая цель обоснования – исключение фактора случайности (удачи) в познании. Данный тезис заставляет обратиться к рассмотрению взаимосвязи понятий «удача», «эпистемическое обоснование» и «знание».

В §1.3 проанализирован тезис о несовместимости знания с удачей. Было указано, что эта проблема наиболее ярко продемонстрирована в т.н. кейсах Геттиера. Далее отмечается, что под эпистемической удачей могут подразумеваться два разных явления — это эвиденциальная и веритическая удача. Когда выдвигается требование, чтобы знание не было случайным, подразумевается второй тип удачи. Веритическая удача делает невозможной реализацию способности к прогнозированию, поэтому она не совместима с предиктивной эпистемологией. Если предсказание субъекта истинно в силу случайных обстоятельств, то, очевидно, он не обладает способностью к прогнозированию. Приписывание знания субъекту в случае веритической удачи невозможно: она всегда нивелирует знание. Основным способом решения данного затруднения является построение такой теории знания, которая бы исключала случайность. В целом, существуют два основных способа построения таких теорий, которые в англо-американской эпистемологии традиционно называют экстернализмом и интернализмом.

В §§1.4 и 1.5 обсуждается экстерналистская концепция обоснования. Отмечается, что эта теория возникает из стремления избежать веритической удачи. Э. Голдман предложил рассматривать обоснование через понятие «надежности» когнитивных процессов (поэтому его теория получила название «релейбилизм»). Утверждается, что Э. Голдман предложил теорию, которая одновременно преодолевает инфаллибилизм (с соответствующей ему проблемой картезианского скептицизма) и геттиеровское сомнение относительно несовместимости знания и удачи. Тем не менее, его концепция не может объяснить все возможные случаи аскрипции (приписывания) знания. Основная проблема эпистемологии Э. Голдмана заключается в том, что она уделяет слишком мало внимания субъекту, выступающему носителем убеждений. Э. Голдмана в большей степени интересуют сами убеждения и внесубъективные характеристики обоснования. Стремясь разрешить указанное

затруднение, Э. Соса расширяет концепцию Э. Голдмана, добавляя к ней соображения из области эпистемологии добродетелей и контекстуализма. Надежность трактуется им как качество познающего субъекта. Также он выдвигает требование, чтобы добродетельные качества проявлялись в соответствующей среде.

В §§1.6 и 1.7 осуществляется критика экстернализма как теории эпистемического обоснования. Показывается, что возможны такие сценарии (их общее название — «Новая проблема злого демона»), в которых обоснование представляет ценность, хотя не является надежным «проводником» к истинным убеждениям. Из этого делается вывод, что релейбилизм не учитывает безусловный нормативный характер обоснования. Отмечается, что обоснование должно быть рассмотрено как деонтологическое понятие, которое представляет автономную ценность, вне связи с истинностью убеждения.

Также несостоятельность экстерналистских объяснений в случае новой проблемы злого демона мотивирует принять тезис о том, что структура добродетелей, используемая в эпистемологии, должна быть интерналистской. Такая структура позволяет отказаться от необходимой связи обоснования и истины, которая приводит экстерналистов к противоречиям в сценарии НПЗД. Интернализм рассматривает обоснование не через связь с надежными когнитивными процессами, а через связь с использованием свободы воли, то есть с мотивацией субъектов. Иными словами, «компонент надежности» в структуре обоснования заменяется на «компонент мотивации». Мотивация есть проявление эпистемических добродетелей. Именно добродетели мотивируют субъекта к достижению специфических познавательных целей формирования истинных убеждений. При этом, что важно, обладание добродетелями и их развитие предшествует поиску истины, а потому более ценно. Это значит, что не истина, как утверждают экстерналисты, но сами интеллектуальные добродетели представляют финальную эпистемическую ценность. Последний тезис является важнейшим элементом интерналистской теории, выстраиваемой в следующей главе.

Вторая глава «Эпистемология добродетелей без компонента успеха»

посвящена более подробному описанию интерналистских концепций обоснования. В §2.1 обсуждается проблема Менона, которая заключена в вопросе «почему знание предпочтительнее истинного убеждения?». Релейбилисты отвечают, что ценность знания определяется заслугой познающего субъекта. Эпистемическая заслуга производна от способностей субъекта, которые трактуются как надежные способности и эпистемические добродетели. Подобный ответ не представляется адекватным по двум причинам: во-первых, большое количество когнитивных процессов, наиболее часто используемых людьми, слишком примитивны, чтобы вести к таким убеждениям, которые заслуживают похвалы; во-вторых, само наличие некоторых способностей является случайностью, так как производно от врожденных физиологических качеств человека.

В §§2.1 и 2.3 также обсуждается респонсибилистский ответ на проблему Менона. Для этого подхода знание тоже представляет ценность благодаря тому, что является заслугой субъекта. Но заслуга производна не от способностей, а от «внутренних» добродетелей, прежде всего, эпистемической ответственности (поэтому респонсибилизм является разновидностью интернализма). Эпистемические добродетели трактуются данным подходом как конъюнкция двух условий: они должны содержать компонент мотивации и компонент успеха.

В §§2.2 и 2.4 показывается, что полагаемый респонсибилистами компонент успеха в структуре эпистемической добродетели является экстерналистским элементом. Из-за этого рассмотренные концепции так же, как и релейбилизм, не могут объяснить сценарий нового злого демона. Из этого делается вывод, что эпистемическая добродетель должна быть рассмотрена строго интерналистски. Это значит, что она производна исключительно от мотиваций субъекта. При этом знание в целом остается понятием, которое связано с заслугой (успехом). Но эпистемическая добродетель, будучи нормативным понятием, представляет самостоятельную ценность и привносит ее в знание (при сочетании с истинным убеждением).

В §2.4 определено, что обоснование должно быть рассмотрено как предельная эпистемическая ценность – телос эпистемической жизни. Истинное убеждение тоже представляет ценность, которая, впрочем, является локальной и прагматической. Знание при этом представляет двойную ценность: эпистемическую и прагматическую. Как отмечается, теория ошибки (аргумент из метаэтики) и контекстуализм могут объяснить возможность аскрипции знания, понимаемого как единство прагматического и сугубо эпистемического компонентов.

В третьей главе «Интерналистский проект теории экспертного знания» предложенный в предыдущей главе интерналистский подход к трактовке эпистемических добродетелей применяется к проблеме оценки статуса экспертного знания. В начале главы определено, что данная проблема должна рассматриваться в контексте эпистемологии коммуникативного знания. Экспертное знание является разновидностью коммуникативного. Главное отличие экспертного знания заключается в когнитивной асимметричности информатора и информанта. Поэтому теория экспертного знания должна не просто объяснять, как возможна передача свидетельства в актах коммуникации, но и каким образом не-эксперт может оценить убеждения и обоснования эксперта.

В §§3.2 и 3.3 рассмотрены два основных подхода к описанию коммуникативного знания: эвиденциалистские и агентные теории. Эвиденциалистские теории можно подразделить на редукционистские и нон-редукционистские. Редукционизм утверждает, что хотя свидетельские убеждения могут быть приняты на основании надежности информатора, само свидетельство не обеспечивает обоснование. В конечном итоге редукционизм сводит свидетельство к другому источнику обоснования, такому как восприятие или память. В главе объясняется, что слабым местом редукционизма является учет нормальных социальных взаимодействий, когда надежность говорящего неизвестна. Нон-редукционизм утверждает, что свидетельство не обеспечивает обоснование путем редукции к другим источникам. Само свидетельство является обоснованной формой социального

доказательства. Информанту не нужны дополнительные позитивные причины, чтобы принять утверждения говорящего как обоснованные. Свидетельство оправдано или обосновано по умолчанию, если не доказана его ложность или ненадежность. Однако слабым местом нон-редукционизма являются релятивистские следствия в случаях когнитивной асимметричности информатора и информанта.

Далее делается вывод, что редукционизм и нон-редукционизм в равной мере неудовлетворительные теории. Было показано, что формирование коммуникативного знания зависит не от доверия свидетельствам информатора. Предлагается рассматривать вопрос о доверии самому информатору как эпистемическому агенту. Подобный подход реализуется Л. Загзебски и Дж. Хардвигом. Тем не менее, их проекты так же видятся неудовлетворительными, так как они релятивизируют коммуникативное знание и не могут объяснить как возможна экспертиза в мире нового злого демона. В заключительной части главы предлагается теория экспертизы, которая является интерналистской, нормативной и контекстуалистской. Основным тезисом заключается в том, что эксперт оценивается по мотивациям, которые проявляются в актах коммуникации с не-экспертом. Прагматический аспект коммуникации означает, что состояние обоснованности, которое приобретает не-эксперт, возникает в результате взаимодействия с экспертом. Указывается, что эксперт должен совершить определенные действия, чтобы подобное состояние возникло у информанта. К этим действиям, прежде всего, относится рассеивание сомнений не-эксперта. Эксперт, имея деонтологическое целеполагание, стремится продемонстрировать релевантные для данного не-эксперта в данном контексте причины, которые позволяют ему быть убежденным в чем-либо. Подобная демонстрация не позволяет не-эксперту принять деонтологическое обоснование не-эксперта по причине когнитивной асимметричности, но позволяет ему находиться в состоянии обоснованности.

В заключении подводятся итоги, формулируются основные результаты исследования.

Список работ, опубликованных по теме диссертации

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации:

- 1) Хорт М.Г. Новая проблема злого демона и деонтологический интернализм // Эпистемология и философия науки. – 2021. – Т.58. №4. – С.95-109. (Также входит БД Scopus, Q1).
- 2) Хорт М.Г. Контекстуализм: ставки и прагматическое вторжение // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2020. – №4 (38). – С.161-168.
- 3) Хорт М.Г. Проблема Менона в контексте эпистемологии добродетелей // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Т. 11. №1А. – С. 30-37.

Публикации в научных изданиях, входящих в БД WOS и Scopus:

- 4) Khort M., Karimov A., Guryanov A. Deflationary truth and the problem of relativistic grounds of emotivism // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. – 2019. – Vol.9 (1). - P.5166–5168.
- 5) Khort M., Karimov A., Guryanov A. On the culture of philosophical dialogue // Revista Genero & Direito. - 2019. - Vol.8. Is.7. Special Issue SI. - P.1-10.
- 6) Khort M., Karimov A., Guryanov A. Trust to testimony in empirical research focus // ИОАВ Journal. – 2019. – Volume 10. Supplement 1. – P.64-66.
- 7) Khort M., Karimov A., Sinyavskiy A. Cognitive Ecology in the Age of the Internet // Nexa Revista Científica. – 2020. – Vol.33, №2. – P.590-596.

Другие публикации:

- 8) Хорт М.Г. Ошибки операционализации в ситуационистских экспериментах // VIII Садыковские чтения. XXI век: вариативность

человеческого. Материалы международной научно-образовательной конференции. Казань: Изд-во Казанского университета. – С. 210–218.

- 9) Хорт М. Г. О трех аргументах в пользу квазиреализма в метаэтике // Мир человека: нормативное измерение — 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма. Материалы международной научно-образовательной конференции. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021. – С 417-431.